

Механизм сработал внезапно, и обе женщины, не успев среагировать, провалились вниз. В момент падения они обе подумали о худшем, опасаясь, что внизу их ждут острые лезвия. Гу Лянвэй, всегда готовая бороться до последнего, успела за несколько секунд собраться с мыслями, сняла с пояса медный цилиндр и быстро собрала его в латунный зонт. Подняв его, она использовала его как парашют, смягчив падение, и приземлилась относительно мягко. Се Чунь, упавшая следом, оказалась менее удачливой. Она с криком рухнула вниз, и, если бы не зонт Гу Лянвэй, который смягчил её падение, она бы либо погибла, либо получила серьёзные травмы. Вместо этого она упала на зонт, а затем скатилась на пол, корчась от боли не только из-за падения, но и из-за ран, нанесённых Гу Лянвэй.

Гу Лянвэй не стала обращать внимания на Се Чунь. Она помогла ей избежать смерти, и этого было достаточно. Её внимание было сосредоточено на подземном пространстве.

Точнее, на этой погребальной камере.

Это была ещё одна камера, расположенная под главной погребальной камерой. Она была такого же размера, но её убранство отличалось. Здесь не было гроба, если не считать кровати из грушевого дерева в углу. Камеру нельзя было назвать типичной погребальной камерой — она больше походила на жилую комнату. Кроме кровати, здесь были два стеллажа с фарфором и нефритом, а также стол и стулья. Всё было обставлено так, словно здесь кто-то жил. Если бы не обстоятельства, Гу Лянвэй могла бы поверить, что здесь действительно кто-то обитает.

Гу Лянвэй задумалась. Кто бы мог устроить погребальную камеру как жилую комнату? Такой странной камеры она никогда не видела!

Хотя древние хотели наслаждаться своими богатствами после смерти, даже императоры понимали, что смерть есть смерть, и погребальные камеры всегда оставались местами упокоения, с гробами и погребальными дарами. Ни один император не украшал свою камеру как жилую комнату.

Разве что... этот человек действительно знал, что не умрёт. Но, как бы то ни было, убедившись, что опасности нет, Гу Лянвэй расслабилась и, почувствовав слабость, опустилась на пол.

Се Чунь долго лежала на полу, прежде чем пришла в себя. В отличие от Гу Лянвэй, у неё не было ночного зрения, и в полной темноте она ничего не видела, что лишало её уверенности. Она потянулась к карману, чтобы достать коробку с капсулами, но обнаружила, что он пуст. Коробка, вероятно, выпала, когда Гу Лянвэй стащила её в гроб. Теперь у неё не было ни лекарств, ни оружия, ни защиты. В кармане оставался только нож-бабочка, который был бесполезен против Гу Лянвэй. Она села на пол, не зная, что делать, и вдруг услышала шаги. Вздвогнув, она огляделась, но в темноте ничего не видела. Её охватила паника, и она спросила:

— Гу Лянвэй, это ты?

— Это я, — ответила Гу Лянвэй, опираясь на зонт и глядя на Се Чунь, стараясь сохранять спокойствие.

Услышав голос Гу Лянвэй, Се Чунь ещё больше испугалась.

И на это была причина: между ними была вражда, и что могло быть лучше, чем эта камера, чтобы свести счёты? Се Чунь помнила, как Юэ Чжоу говорила, что у Гу Лянвэй кошачьи глаза, а кошки видят в темноте! Се Чунь содрогнулась и сжала кулаки, пытаясь найти хоть какую-то опору, чтобы защититься от возможной атаки.

Выражение лица Се Чунь не ускользнуло от Гу Лянвэй, и она нашла его забавным. Она просто отодвинула зонтом сжатый кулак Се Чунь, но, лишившись опоры, сама пошатнулась. К счастью, в темноте Се Чунь не заметила её слабости.

Се Чунь почувствовала боль от удара зонтом и с обидой потерла руку, нервно спросив:

— Ты... ты собираешься убить меня?

— Я не такая, как ты. Я не маньяк, — холодно ответила Гу Лянвэй, садясь на холодный каменный пол.

Се Чунь немного расслабилась, услышав это. За время общения с Гу Лянвэй она поняла, что, хотя та говорила резко, свои слова она держала.

Но, чувствуя себя виноватой, Се Чунь всё же спросила:

— Я стреляла в тебя. Как ты можешь не держать на меня зла?

— Конечно, я злюсь, — ответила Гу Лянвэй. — Но мы разберёмся с этим позже.

Се Чунь не поняла, что это значит, но в следующую секунду всё стало ясно, когда Гу Лянвэй сказала:

— Се Чунь, я знаю, кто ты.

Это звучало абсурдно. Гу Лянвэй знала имя Се Чунь, но её слова звучали так, будто она открыла что-то новое. Се Чунь серьёзно посмотрела на неё и спросила:

— Ты знаешь, кто я?

— Я догадываюсь. Ведь кроме «Золотого орла», никто не питает такой ненависти к Сэлин, — сказала Гу Лянвэй. — Ты слышала мой разговор с Юэ Чжоу в погребальном коридоре, да?

Се Чунь не стала отрицать ни первое, ни второе.

Гу Лянвэй получила ответ.

В тот момент, когда она разгадывала загадку с детской песней, Гу Лянвэй была готова умереть вместе с Юэ Чжоу, поэтому поспешила рассказать ей о своей судьбе, забыв о Се Чунь. Обычный человек не смог бы услышать их разговор на таком расстоянии, но у Се Чунь были те капсулы. Гу Лянвэй предположила, что они усиливали чувства, поэтому в критических ситуациях Се Чунь принимала их, чтобы обострить свои реакции и спокойствие, что помогло ей разгадать иллюзию в боковой камере.

Се Чунь помолчала, а затем ответила:

— Ты права. Я потомок отряда «Золотой орёл».

Гу Лянвэй горько усмехнулась. Она не ожидала, что смертельная опасность, предсказанная в гадании, заключалась не в таинственных механизмах Гробницы Инь, а в людях.

Вражда между «Золотым орлом» и Сэлин уходила корнями на восемьсот лет назад.

Гробницы эпохи Юань славились своими опасными механизмами, сочетавшими множество

хитроумных уловок, которые отпугивали многих грабителей. Но они не могли остановить воинов Сэлин, которые полагались на силу. Среди различных школ грабителей, моцзинь обычно действовали группами по три человека, баньшань требовали слишком многого, а фацю были слишком капризны. Только Сэлин были многочисленны, и их сила делала любые механизмы бесполезными. Они специализировались на разрушении ловушек и были преданы национальному духу, поэтому во времена династии Юань они грабили только гробницы Юань. Как бы ни были изощрены эти гробницы, они не могли противостоять Сэлин. В ответ Юань создали отряд «Золотой орёл», состоящий из мастеров боевых искусств, которые были преданы и сильны. Их единственной задачей было убийство Сэлин. Именно из-за «Золотого орла» Сэлин понесли тяжёлые потери в конце династии Юань и пришли в упадок.

<http://bllate.org/book/16246/1461398>